

А. Фрингс

СОРЕВНОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ: ТАТАРСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ В БАКУ В 1926 г.*

На заседании коммунистической фракции Тюркологического съезда 1 марта 1926 г. представитель азербайджанской делегации Гусейнов совершенно точно определил цель съезда: “ЦК знает, что это дело созвано для алфавита; мы же знаем, что Съезд созван не для того, чтобы мы выслушивали доклады Бартольда или Самойловича (смех), а для того, чтобы выяснить точку зрения на алфавит” (ГАРФ: 41).

Арабский алфавит не удовлетворял требованиям современного татарского литературного языка – с этим были согласны все прогрессивные татарские интеллигенты еще до революции 1917 г. В алфавите было слишком мало гласных знаков, слишком много согласных, слишком много графических форм для одних и тех же букв. Одним из возможных решений представлялись модификация и реформа арабского алфавита. Каюм Насыри предложил дополнить алфавит несколькими гласными знаками и упростить шрифт. Вторым вариантом было применение русского алфавита. Хотя попытка Николая Ильминского дать крещеным татарам приспособленную к татарскому языку кириллицу имела успех, татары-мусульмане отклонили миссионерский алфавит Ильминского. Третий путь, который обсуждался в Казани, предусматривал применение латинского алфавита.

До революции ни одна из этих концепций не нашла полного применения. Причина этого крылась прежде всего в незаинтересованности царской администрации в разрешении вопросов алфавита. Татары по данному вопросу практически не имели голоса. Ситуация изменилась после революции. Первый проект нового алфавита представили Галимджан Шараф и Мухитдин Курбангалиев. Он предусматривал отмену излишних согласных знаков, введение пяти гласных знаков, а также твердого знака. В связи с этим снова разгорелся спор о подходящем алфавите. На этот раз татары занимали ведущие посты, в том числе в правительстве новой республики Татарстан. На заседании Президиума Совета Народных Комиссаров ТАССР в декабре 1920 г. было принято решение об упрощении шрифта:

1. Вместо существующих четырех параллельных начертаний каждой буквы для татарского письма и печати ввести только одно начертание, приняв за основу такого начального начертания ныне употребляемых букв.

2. Установить единую, легкодоступную орфографию для татарского языка, приняв за основу систему шести гласных и особого знака для отличия мягких (палатальных) слов от твердых (Сб. декретов 1921: 81–82).

Таким образом, правительство решило пойти по пути реформы арабского алфавита. Однако принятое решение оказалось небесспорным: уже в ноябре 1924 г. в Казани было основано Общество друзей латинского алфавита, которое, правда, просуществовало недолго. У латинского алфавита в Казани имелось мало приверженцев. Центр движения за латинизацию алфавита находился в Баку, где в 1920 г. была создана комиссия по реформе арабского алфавита. В январе 1921 г. коллегия комиссариата народного образования приняла решение: ввиду многих крупных недостатков старого мусульманского шрифта, с одной стороны, и необходимости сделать мусульманский язык наиболее доступным для изучения широкой массы, с другой, а) старый

Андреас Фрингс – научный сотрудник отделения восточноевропейской истории Института истории, Университет г. Майнц (Германия).

* Автор данной статьи в настоящее время заканчивает диссертацию по латинизации и кириллизации алфавитов в СССР в 1920-х и 1930-х годах.

мусульманский шрифт заменить новым, б) остановиться на латинском шрифте, как наиболее совершенном (Архивы 1980: 7–8).

Азербайджанские друзья латыни не медлили с пропагандой своей позиции и за пределами своей республики. Уже на Втором съезде татарско-башкирских работников просвещения в 1924 г. в Москве азербайджанская делегация во главе со своим председателем Нариманом Наримановым выступила с докладом, в котором говорилось об успехах азербайджанской латинизации алфавита и критиковался арабский алфавит. Галимджан Ибрагимов, который представлял республику Татарстан, высказался осторожно: “В принципе в отречении от арабского шрифта и переходе на латынь мы видим большой шаг к сближению народов и поддерживаем это как идеал. Однако это должно касаться не только татар и башкиров, но также и всех тюркоязычных народов или вообще всех народов Советского Союза” (*Baldauf* 1993: 227).

Большинство делегатов придерживалось татарской идеи реформы арабского алфавита. Однако результат голосования, ориентированный на постепенную реформу алфавита, не смутил азербайджанских сторонников латинизации, продолжавших придерживаться и далее своей концепции. Учитывая большие трудности и преграды, которые стояли на пути постепенного введения латинского алфавита, в Баку в итоге перешли к другой стратегии – созыву Всесоюзного съезда тюркологов.

Вместе с тем партийное руководство в Москве не одобряло эту идею. 15 февраля 1926 г. Оргбюро Центрального комитета ВКП(б) решило ограничить правомочия конгресса тюркологов. Оно постановило: “коммунистам на съезде вести линию на то, чтобы съезд ограничился выяснением возможности перехода на латинский шрифт, не принимая категорического решения на предмет немедленного перехода на этот шрифт” (РГАСПИ: 5).

Делегаты от Татарстана получили приглашение на съезд еще в 1925 г. Среди татарских политиков и деятелей культуры наблюдалось большое волнение, поскольку выбор места съезда уже сам по себе свидетельствовал о предрешенности вопроса. Галимджан Ибрагимов, руководивший в Татарстане подготовкой к съезду, доложил о своих сомнениях областному комитету партии. Однако он не смог предугадать политического характера дискуссии. За две недели до начала съезда он выдвинул следующее предположение: “Переговоры о латыни будут вестись не с позиций принятия обязующих резолюций, а в системе научных размышлений, которые должны быть приведены в определенную систему” (*Baldauf* 1993: 227).

Позиция обкома, которая должна была помогать татарской делегации в Баку, оказалась сформулирована весьма неопределенно: “В принципе не возражать, практически в отношении ТССР считать невозможным перейти на новый шрифт” (ЦГАИПД РТ: 177). В целом данная позиция удивительным образом совпадала с установками Оргбюро ЦК ВКП(б). По всей вероятности Мендель Хатаевич, председатель татарского обкома, был проинформирован московскими друзьями о размышлениях руководства партии. Персональный состав делегации вполне соответствовал той неясной, неопределенной формулировке, которую занял обком. Делегация из Татарстана, возглавляемая Галимджаном Ибрагимовым, включала 10 представителей и была весьма неоднородна по составу. Помимо сторонников реформы арабского алфавита (это прежде всего Галимджан Шараф) в нее вошли и явные латинисты, например, писатель Шамиль Усманов.

На съезде сначала выступали сторонники введения латинского алфавита. Дебаты начал московский лингвист Яковлев, который значительную часть своего выступления посвятил сравнению казанских татар и азербайджанцев: “Казанские татары имеют... грамотность до 25% по сведениям с мест, а по сведениям Центрального Правления – немного меньше... С точки зрения этой статистики все-таки получается довольно ясная картина... Как я указал, легкость проведения латинского алфавита обратно пропорциональна развитию национальной письменности, т.е. чем боль-

ше было уже до введения латинского алфавита грамотных, тем труднее провести латинский алфавит. С другой стороны, Азербайджан имеет сравнительно большой процент национального пролетариата, сконцентрированного в одном месте, в пределах самого Азербайджана... Если мы с этой точки зрения оценим положение казанских татар, то увидим несколько иные данные. У казанских татар не меньший процент пролетариата, но он не сконцентрирован, он рассеян, он находится по большей части вне Татарской Республики. Вместе с тем, значительный процент грамотных уже на арабском языке и большой процент городского населения. Отсюда становится ясным, почему именно они серьезно призадумываются о латинской реформе” (Первый... 1926: 220–221).

От татарской делегации с докладом выступил Галимджан Шараф. От его выступления ждали многого, поскольку он был единственным после представителей от казанских ораторов, который собирался защищать реформированный арабский алфавит. Г. Шараф провел сравнительный анализ латинского и реформированного арабского алфавита. Доклад удовлетворял научным требованиям, но избранным выступающим стиль изложения привел к тому, что участники съезда были явно переутомлены. Немецкий тюрколог Теодор Менцель вспоминал позднее: “Его доклад был самым длинным; он говорил более 3 часов в состоянии нервной возбужденности, хотя он не прерывался председателем, и без учета психологии слушателей, которые из-за продолжительности его выступления были лишены должного эффекта... Несколько вялые толкования Шарафа... не произвели глубокого воздействия на слушателей, и даже многие из его слабо обоснованных утверждений вызвали противодействие” (Menzel 1927: 188, 192).

Несмотря на обсуждение, окончательное решение уже было принято за спиной делегатов. Вопрос алфавита бурно обсуждался на заседании фракции ВКП(б) 1 марта 1926 г.¹ После того, как Михаил Павлович Вельтман зачитал резолюцию ЦК ВКП(б), татарский делегат Ахметхади Максудов объяснил: “Это значит, что ЦК нам запрещает принятие резолюции такого категорического характера – с одной стороны, и – с другой стороны, ЦК партии нас не обязывает принимать резолюцию положительного характера” (ГАРФ: 28). С ним не согласился представитель делегации с Северного Кавказа. Он заявил, что выбор подходящего алфавита – партийный вопрос. Татарский писатель Шамиль Усманов согласился с ним: “Почему Казань против латинского алфавита? Тут определенное давление полиграфической промышленности, они не хотят гегемонии. Как относятся там к идее нового алфавита? Там говорят, что нельзя в стране, где занимаются полиграфическим делом, проводить новый алфавит, потому что страна держится на плечах этой полиграфической промышленности”.

Подобные аргументы выдвигали и другие ораторы. Они также указывали на то, что вопрос принятия алфавита входит в сферу партийных интересов. Назир Тюрякулов даже обвинил казанских “сопротивленцев” в попытке образовать меньшевистскую фракцию. Несколько позже азербайджанец Мамед-заде упрекал Татарстан в издании для духовенства 300 тыс. экземпляров Корана на реформированном татарском алфавите. Учитывая тот факт, что Коран на татарском языке был для священнослужителей просто неприемлем, это был странный и необоснованный упрек. Однако никто не возразил Мамед-заде.

В конце концов сильное давление на татарскую делегацию привело к тому, что большинство голосов на съезде было подано за пролатинскую резолюцию. Всем присутствующим коммунистам стало ясно, сколь опасным могло быть сопротивление введению латинского шрифта. При 101 голосе “за” и 7 голосах “против” (при 9 воздержавшихся) была принята резолюция, отдававшая предпочтение латинскому алфавиту: “Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфави-

том, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским, Съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа” (Первый... 1926: 401).

Поведение татарской делегации при голосовании было индикатором их внутренней раздвоенности: Атнагулов воздержался от голосования, несколько татар (в том числе и Шараф²) проголосовали против, а Ибрагимов поднимал руку как “за”, так и “против”, а, может быть, и воздержался. Как иронизировал по этому поводу один татарский журналист в правительственной газете, Ибрагимов таким оригинальным способом отдал должное партийному поручению “в принципе не возражать, практически в отношении ТССР считать невозможным перейти на новый шрифт” (ЦГАИПД РТ: 177).

Таким образом, на Тюркологическом съезде в 1926 г. было принято решение, которое явно одобряло латинский алфавит. Вместе с тем оно являлось компромиссным по своей сути, и потому на время им остались удовлетворены все стороны. Азербайджан увидел свои достижения оцененными и представлялся образцом для других республик. Татарстан не принуждался следовать по этому пути, поскольку вопрос о введении латинского шрифта каждая республика должна была решать сама. Однако год спустя партийное руководство в Москве приняло решение о принудительной латинизации алфавитов в тюркоязычных республиках.

Примечания

¹ На заседании “фракции” собирались делегаты съезда, которые одновременно были членами ВКП(б).

² Галимджан Шараф даже предложил съезду другую резолюцию, которая говорила о равноправии латинского и реформированного арабского алфавита, но она была отклонена.

Источники и литература

Архиви 1980 – Азәрбајҹан Архиви. 1980. № 2. С. 7–8.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 41.

Первый... 1926 – Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля–5 марта 1926 г.:

Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 220–221.

РГАСПИ – Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 113. Д. 169. Л. 5.

Сб. декретов 1921 – ТАССР: Сб. декретов и распоряжений с 25 мая 1920 г. по 25 мая 1921 г. Казань, 1921. С. 81–82.

ЦГАИПД РТ – Центральный Гос. архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 2. Д. 19. Л. 177.

Baldauf 1993 – Baldauf I. Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjeturken (1850–1937). Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. Вр., 1993. S. 227.

Menzel 1927 – Menzel Th. Der 1. Türkologische Kongress in Baku // Der Islam. 16 (1927) 3–4. S. 188, 192.